

A vibrant autumn forest scene with trees displaying bright yellow and orange foliage. The ground is covered in fallen leaves, and the overall atmosphere is warm and seasonal.

Владимир Тутыхин

ОСЕННИЙ БЛЮЗ



Москва 2020

Владимир Тутыхин

Осенний блюз

«Издательство «Перо»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тутыхин В. М.

Осенний блюз / В. М. Тутыхин — «Издательство «Перо», 2020

ISBN 978-5-00171-775-1

Свой выходной день в театре заслуженный артист Николай Афанасьевич проводил в одиночестве в городском парке на скамейке у старого дуба с бутылкой вина. Ах, как он «на равных» говорил о большой любви к женщине с Шекспиром, Чеховым, Мольером – ведь он сам писал пьесы. Николай Афанасьевич уже давно вел холостяцкую жизнь и все реже улыбался идущей навстречу по тротуару красивой женщине, а в последнее время и совсем женщинам не улыбался, и они ему не улыбались. Ах, какой сегодня в парке стоял чудесный день! После выпитой бутылки вина Николай Афанасьевич, как всегда, подошел к дубу, обнял его и стал с закрытыми глазами обходить вокруг него... Но сегодня он уперся лбом в женские ноги в красных туфлях на высоком каблуке. Кто-то даже осторожно носочком постучал по его голове... И Николаю Афанасьевичу сразу захотелось обнять эти ноги, но он не смел...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00171-775-1

© Тутыхин В. М., 2020

© «Издательство «Перо», 2020

Содержание

Осенний блюз	6
Ленин на коне, Мишель, Марат и я	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Тутыхин

Осенний блюз

© Тутыхин В.М., 2020

* * *

Осенний блюз

Рассказ

Уже темнело, по улицам зажглись фонари, людей в парке стало совсем мало – да почти никого. И желтые осенние листья, дождавшись этого безлюдья, стали очень красиво парами планировать с деревьев к земле: в одну сторону, в другую, чуть вверх и вниз... Конечно, это была их последняя песня, конечно, это был их последний танец... В городском парке всегда звучала музыка, и даже когда она не звучала, она все равно «звучала». И осенние листья по чистой дорожке перелетали под эту музыку далеко-далеко в конец парка, где в клетках неподвижно сидели облезлые орлы и равнодушно смотрели на это волшебство листопада. Конец сентября, дождя давно не было, и старые деревянные парковые скамейки были совсем сухие. Николай Афанасьевич лежал на скамейке, скрестив руки на груди, и смотрел на движущиеся облака. Он уже третий раз менял свое расположение на скамейке: то ему хотелось лететь навстречу быстроменяющимся облакам и сражаться с «ветряными мельницами», то ему хотелось вместе с облаками лететь низко над знакомыми улицами и шутить над прохожими, то ему хотелось сделать еще два-три глотка вина. Ему очень хотелось сделать еще два-три глотка вина, но бутылка давно уже стояла пустая. Вот уже последние двадцать лет в свой выходной день в театре он приходил к старому дубу и садился на эту скамейку: выпивал бутылку вина, разговаривал с дубом, вспоминал знаменитые театральные монологи и диалоги, философствовал, кое-что переписывал за великими драматургами и плакал. Ему было жалко всех: героев трагедий, актеров, игравших эти роли, зрителей, не проронивших и слезинки над чужим горем... И каждый день он отыскивал в зрительном зале вытирающую слезы зрительницу и шел к гардеробу, чтоб помочь ей надеть плащ и незаметно поклониться ей. Гардеробщицы переговаривались меж собой: вот именно так когда-то давно сходил с ума их любимый молодой актер Митенька.

Дождь все же пошел. Николай Афанасьевич еще какое-то время лежал на скамейке, но уже с закрытыми глазами, и радовался дождю. Капли дождя омывали его лицо, и он вслух громко и бодро произнес: «Вот умереть бы так! И сразу в могилку! И в друзья к какому-нибудь греку-философу и с ним говорить, говорить, говорить... И сочинить бы с ним трагедию “Христос до Христа”, – пьесу эту Николай Афанасьевич недавно начал писать, но после двух страниц стал говорить всем, что пока не пишется, – или сочинить бы с ним водевиль! Ха-ха-ха! А если он спросит: “Ты кто такой?” Господи, да ведь хочется еще что-то в этой жизни сделать хорошего, не убивая никого! Себя не убивая! Ха-ха-ха!» Усиливающийся дождь все же поднял Николая Афанасьевича со скамейки, он посидел еще немного и пошел от дождя под дуб. Под свой дуб... Он всегда обнимал дуб и разговаривал с ним: хвалился, жаловался, просил помочь, рассказывал о своих желаниях и всегда во всем винил только себя. Нет, иногда в чем-то виноваты были они вместе с дубом: «Вот мы с тобой решили, что надо идти и просить новую роль у этого злодея-режиссера... А он из этого такое представление устроил! Целый спектакль “Лишние люди!” Сбежался весь театр смотреть на унижение заслуженного артиста! И все меньше сочувствующих взглядов... Мне теперь стыдно получать свое жалование! Я подхожу к Эмилии Николаевне после всех... И она зачем-то мне стала молча подмигивать, будто она выдает мне не мое жалование».

Николай Афанасьевич обнял дуб, который был в два человеческих обхвата, начал целовать его и обходить вокруг него, прижавшись к нему щекой, – он так всегда делал и обходил вокруг дуба несколько раз... Но сейчас он уперся лбом в женские ноги в красных туфлях на высоком каблуке. Кто-то даже осторожно носочком постучал по его голове. Николай Афанасьевич не стал смотреть вверх. Нет, он много раз представлял себе какую-то необыкновенную встречу под этим дубом... С очень красивой и доброй своей зрительницей, которую не видел в

зрительном зале уже десять лет; с театральным критиком Пименовым, когда-то напутствовавшим его очень добрыми словами; с известным режиссером для роли Гамлета.

– Мне к вам взлететь или вы спланируете в мои объятия? Я еще достаточно крепко стою на ногах. Вы молчите. А я вот щекой прижался к вашей ноге. Может быть, последний раз в своей жизни я прижался своей небрежно побритой щекой к божественной ножке... Ах, сударыня, Дульсинея Тобосская... Что вы оттуда видите, ведь зачем-то вы туда взобрались? – смело, громко, но равнодушно произнес Николай Афанасьевич.

– Отсюда очень хорошо виден только вход в рюмочную «Причал».

Женский красивый голос как бы предлагал единственное продолжение их дальнейшего совместного пути...

– Ах, сначала я должен найти под этим дубом пять золотых монет... И тогда уверенно пойти к этим родным дверям, а вы за мной... И только там, за столиком, я внимательно рассмотрю вас и буду любоваться вами. А между нами будет стоять высокая темная бутылка с красным вином. Для всех мы будем давними друзьями, которые очень давно не виделись и очень по-доброму смотрят друг на друга: «Как ты жил все эти годы? А я так хотела тебе обо всем очень подробно написать». А о чем мы будем говорить?... Конечно, мы будем говорить о смысле жизни.

К ногам Николая Афанасьевича упал кошелек. Он совсем без церемоний поднял его и раскрыл... В кошельке было много денег, и Николай Афанасьевич несколько крупных купюр из него переложил в свои разные карманы. Он это сделал не скрытно, а демонстративно, как будто на такой случай была вот именно такая инструкция.

– Идите вперед, я вас догоню... Нет... Где вы сядете? Сядьте в углу и ждите меня!

Николай Афанасьевич бежал к гранитным ступеням рюмочной и совсем не хотел, чтоб его кто-то догонял. Он бежал легко и даже пританцовывал, его длинные волосы на ветру меняли его лицо до неузнаваемости: то – лысый, то – пышноволосый, то – красивый, то – страшный. Он прижимал к своей щеке тугой кошелек и уже был почти уверен, что он просто нашел этот «философский камень»... И никакой красивой женщины не было...

– Да только найти такой кошелек – чудо!.. Какие еще красные туфли на высоком каблуке... Ха-ха-ха! Ах, а какой красивый был голос! Господи, Господи! Не забываешь ты меня! Вот захочется умереть – а Ты рядом... Гладишь по головке свое любимое дитя и говоришь ему: «Терпи, терпи, еще не вечер». И я терплю. И буду терпеть, и буду с тобой честен во всем! Ах, если б Ты знал, как мне хочется жить после Твоего прикосновения ко мне. Но я буду честен с Тобой, я одинаково люблю и театр и эту рюмочную «Причал»... И я не перестаю верить в себя: «Крепчает нравственность во мне, когда дряхлеет плоть», – это совсем не про меня. Я люблю жизнь! И когда Ты касаешься меня – я люблю всех!

Дождь шел все сильнее, и Николай Афанасьевич почти вбежал в рюмочную. Он положил кошелек в карман и подошел к большому зеркалу. И еще не глядя на себя, произнес по привычке: «Да я помолодел на двадцать лет». Через зеркало он увидел всех и всё. Всё было как обычно: студенты, телохранители, два полковника-педагога, два знакомых сыровара, знаковая шумная компания с дамами, одинокий поэт, одинокая любительница абсента с длинным мундштуком... Не хватало только его.

Табачный дым тонким, ровным слоем висел в зале – нет, он даже медленно вращался вокруг своей оси по часовой стрелке. Это было и облако, и очень долгоиграющая пластинка... И все это повторялось здесь изо дня в день. Каждый столик жил своею жизнью от шепота до громкого смеха. И за каждым столиком кто-то кого-то учил жить. И за каждым столиком кто-то кому-то исповедовался. И за каждым столиком говорили о своем заветном: «Каким же я был дураком! Целый мир тогда был открыт передо мной, но я отыскал именно эту дверь, долго стучался в нее, долго ждал, пока найдется ключ от нее, всех уверял, что мне именно сюда... А за дверью оказалась сапожная мастерская с маленьким окном под потолком на всю

жизнь». Николай Афанасьевич выпил совсем немного вина и съел сразу всю принесенную ему закуску. Он долго и внимательно рассматривал рисунки на пустых тарелках и вслед за чьим-то восклицанием: «Да не любила она меня никогда!», сам стал вспоминать о своей бывшей жене. И не было у него никакого сожаления, что прожили они вместе совсем немного, и что было это очень давно, и то, что она ушла к другому... Зато как много осталось ее фотографий, их фотографий, которые еще с тех пор были развешаны по всем стенам в его квартире: вот они на пляже в Крыму, вот они в ресторане, счастливые, отмечают первую годовщину своей совместной жизни, вот они в телескоп смотрят на звезды, вот они очень внимательно смотрят в объектив фотоаппарата. Фотографии с ней висели везде, но голоса ее в своем жилище Николай Афанасьевич никогда не слышал. И когда кто-то приходил к нему, то всегда восклицал: «Ты до сих пор любишь ее»? И Николай Афанасьевич в ответ на это очень талантливо начинал плакать, а потом смеяться. И потом они смеялись вместе и садились за стол, над которым висела фотография, где счастливые «Он и Она» сидели за этим же столом с бутылкой мадеры.

Дверь в рюмочную открывалась со звоном колокольчиков, поэтому всех входящих встречал общий, вопросительный и добрый взгляд: «Друзья, Отчизне посвятим души прекрасные порывы!» Всем хотелось, чтоб в рюмочную сейчас вошел человек красивый, умный, добрый, готовый полюбить их, и щедрый. И часто входящего звали за свой столик... Но сейчас все замолчали и смотрели на нее... Все любовались ею, она была очень красивая, и все были уверены, что она сейчас с улыбкой развернется и уйдет – она просто ошиблась дверью... Но красивая женщина лет тридцати пяти в красном плаще и красных туфлях у зеркала сняла свой легкий, длинный красный плащ, под которым было такое же красное и очень облегающее платье с черным тонким поясом. Она очень долго смотрела в зеркало в одну точку – не на себя... Нет, сначала она поправляла на себе складки и даже два раза повернулась перед зеркалом, но потом стала молча смотреть в одну точку. Два полковника осмелились подойти к ней и очень вежливо, глядя в зеркало на нее и на себя, поприветствовали ее, выразили ей свое восхищение ею и пожелали ей хорошо провести время в этом уютном «ресторанчике»... Потом к ней подошли два сыровара, потом студенты и все остальные...

И только один человек так и не повернулся на звон колокольчиков. Он все еще внимательно рассматривал замысловатые растительные орнаменты на пустых тарелках, чуть улыбался и благодарил Бога за подаренный ему прекрасный день, который так мягко и по-доброму уходил, чтоб когда-нибудь вернуться. Он даже решил не допивать все вино здесь, а унести бутылку с собой домой. И еще долго сидеть на балконе под ветром и дождем и по-философски всматриваться в осеннюю, городскую темноту, где столько много людей и никого... И говорить им...

– Дорогой Николай Афанасьевич, не притворяйтесь, вы совсем не пьяны. Я прочла вашу пьесу «Некролог самому себе». Я прочла ее сто раз. И последний раз, когда сидела на дубе и ждала вас. Я хочу снять фильм по вашей пьесе. Я должна снять фильм по вашей пьесе. И я прошу вас ее дописать.

Николай Афанасьевич сначала даже с каким-то разочарованием взглянул на севшую напротив него «прекрасную даму» – она была очень красивая, и быть рядом с ней ему, артисту, заслуженному артисту, все равно было как-то не комфортно. «Ко всему-то привыкает подлец-человек», – вспомнил он вслух Федора Михайловича. Потом он налил вина в два стаканчика и сразу выпил свой.

– Я остаюсь живым?

– Нет, вы умираете... И вас кладут в гроб. И даже забивают крышку гроба гвоздями. Но зрителю это будет уже не интересно, и он уже выйдет из темного зала на солнечный свет и купит себе пива и мороженого... Он возьмет пример с вас. И он еще долго будет вспоминать, что вы сказали, и разговаривать с вами. И со мной...

– Вас в пьесе нет.

– Я сижу перед вами. И я пью налитое вами мне вино.

– Ха-ха-ха! Так это уже после моей смерти! Ха-ха-ха!

– Допишите. Мне очень хочется быть рядом с вами. Я буду немногословна. Могу за весь фильм сказать всего два-три слова, но всегда быть рядом с вами. Лежать ночью рядом с вами и повторять все ваши дневные разговоры вслух, когда вы уже спите. Нет, я не придумала себе вас, это вы мне о себе все рассказали... Нет, не о себе – о нас обоих.

– Ах, если б вы знали...

– Аня. Меня зовут Аня.

– Ах, если б вы знали, Аня!.. Я ничего не смогу дописать лучше, чем есть.

Из зала донеслось сначала робко, но потом все громче и даже по-дружески требовательно: «Николай Афанасьевич, просим вас, пожалуйста, допишите... Да неужели это так трудно?! Она красивая. Она очень красивая. Да взгляните на нее внимательно. Почему вы не смотрите на нее?! Да нет у вас таких в театре. Мы все пойдем посмотреть этот фильм про вас обоих... На ней очень красивое платье! И туфли! И поясok! И все остальное! Ха-ха-ха! Посмотрите внимательно на нее. Красота – это уже молитва.

Николай Афанасьевич, еще раз налил вино в оба стаканчика и быстро выпил свой.

– Вы хотите в пьесе быть рядом со мной? Я там десять раз укладываюсь в гроб. Вы просите меня написать другую пьесу! Вера Кузьминична, принесите мне еще холодной телятины.

– Нет. Я прошу вас дописать вашу пьесу. Вы умный, вы талантливый, вы мудрый, вам себя совсем не жалко... Пожалейте других. Пожалейте наших зрителей.

Конечно, в рюмочной «Причал», кроме Николая Афанасьевича, никто не просил холодной телятины. Поэтому Вера Кузьминична, официантка и хозяйка этого заведения, приносила Николаю Афанасьевичу первую попавшуюся закуску, чаще всего это была селедка с зеленым горошком. Но сегодня ее не было, и ее муж Шурик, бармен и швейцар, добрейший человек, который наливал всем чуть-чуть больше вина, за что всегда получал укор от Веры Кузьминичны: «Ты зачем спаиваешь людей», принес с кухни целую запеченную утку с яблоками и еще одну большую бутылку вина. Утка эта, конечно, готовилась хозяйкой для дома, а бутылка французского вина уже несколько лет ждала особенного события под названием: «Вход действующего губернатора в рюмочную “Причал”». И утка, и большая бутылка французского вина были встречены аплодисментами. Столик Николая Афанасьевича уже стоял посередине зала в окружении других столиков, и все смотрели на них. Николай Афанасьевич оторвал от утки крылышко и помахал им, изображая полет.

– Ко всему-то привыкает подлец-человек. Ах, как давно я не ел запеченной утки! Ах, как я мечтал выпить эту бутылку вина! Нет, я не пьян... Аня, я готов для вас написать другую пьесу, да, вы красивая...

– Николай Афанасьевич, вы для меня уже написали пьесу... Там только нет меня. И мне очень хочется быть рядом с вами.

– Хорошо... Начинайте быть рядом.

Аня выпила свой стаканчик вина и оторвала от утки второе крылышко... С пьесой она вышла на маленькую эстраду, ударила в барабаны и тарелки и очень театрально, трепетно и философски начала читать:

– В тот светлый осенний день от меня ушла жена. В тот светлый осенний день жена ушла от меня сразу и навсегда! Я еще не успел помыть посуду после нашего «прощального» завтрака и представить себя ужинающим в одиночестве за этим нашим столом, открывающим тугую винную пробку без ее обязательной подсказки, представить себя зачарованно смотрящим в окно на закат солнца без ее абриса... Я еще только все это хотел представить себе! А в дверь уже звонили. И я долго не шел открывать – конечно, кто-то ошибся дверью. Я еще очень долго тер салфеткой ее бокал, чтоб поставить его в дальний угол, и начинал привыкать к новой жизни: хочу – пою, хочу – «целый час тру один бокал», хочу – сочиняю идиотский стишок:

«Жил на свете один идиот, То красивый он был, а то вдруг – урод!..» – Аня положила на стол пьесу и продолжила от себя: – Но уходящая женщина почему-то закрыла дверь наполовину. Поэтому звонок звякнул еще несколько раз, и красивый женский голос совсем близко спросил: «Я войду?! Тут в двери оставлены ключи, я возьму их себе»?!

Аня подняла руки вверх и на носочках сделала два оборота... А потом она превратилась в птицу и исполнила танец-полет с утиным крылышком в руке. Она готова была продолжить свой текст, но ждала от Николая Афанасьевича реплику. И все ждали.

– Нет. Конечно, нет... Ведь прошло совсем немного времени... И мне до сих пор одному хочется смотреть в окно на закат... На что после долгой паузы раздался неодобрительный гул публики:

– Да какой же вы Художник после этого! Актеришка! Клоун! Ваш удел – лежать на пыльном ковре арены! Ха-ха-ха! Мы уже льем слезы! Ха-ха-ха! В вашу клетку бьется волшебная птица с прекрасной фигурой, чтоб освободить вас и показать миру! Ха-ха-ха! Жалкий актеришка! Ха-ха-ха! Да вы уже перестали различать прекрасное от жалкого! Да разве вы Художник?! Да как вы смеете притрагиваться к вину! Ха-ха-ха! Поставьте обратно вино! Ха-ха-ха!

Николай Афанасьевич поставил стаканчик с вином обратно на стол и даже намеревался встать из-за стола и уйти. И все поняли, что коснулись святого – и наступила тишина, и все смотрели на Аню.

– Николай Афанасьевич, я в любом случае буду снимать фильм по вашей пьесе. Ведь, когда я первый раз прочла вашу пьесу десять лет тому назад, то думала, что вы уже давно умерли... И гвозди на крышке вашего гроба давно заржавели и мне уже никто не сможет помочь снять фильм про вас и меня... И я ее дописала сама. Но вы живы и в прекрасной форме, я вчера видела вас в роли Лепорелло. Дон Гуан померк рядом с вами. Ах, как прекрасно вы играли! Ах, как тонко, иронично и по-доброму!.. И все мои дописанные слова к вашей пьесе враз перемешались и улетели, но расселись совсем недалеко, на ветках нашего дуба. Так я возьму ключи себе? Я оставила свой чемодан у двери вашей квартиры.

Николай Афанасьевич похлопал руками по своим карманам, нашел ключи и отдал их Ане. Он помог ей надеть красный плащ и даже поправил ей воротник. На что она поцеловала его в щечку и развернула его к зеркалу... И все подошли, и все стали смотреть на них в зеркало. И Николай Афанасьевич на глазах у всех вынужден был стать немного выше, стройнее, а когда Аня склонила голову на его плечо, то он стал моложе и красивее.

Николай Афанасьевич вернулся за свой столик в углу. Утка без крыльев перелетела за большой стол шумной компании, французское вино было разлито поровну во все поднесенные стаканчики. Николай Афанасьевич стал накалывать на вилку зеленый горошек и налил себе остатки вина. Эта пьеса была у него в одном экземпляре, и он точно знал, на какой полке в его доме она давно лежит-пылится, и он ее видел каждый день, и каждый день он хотел ее перечитать... Выпив вино и проглотив три горошины, Николай Афанасьевич дал себе слово: никогда не спрашивать у Ани, как у нее оказалась его пьеса. Ведь все случилось так, как он мечтал. И он с улыбкой представил себе в этом зале среди этой доброй публики множество софитов и красивый женский голос: «Мотор!» Он вышел на эстраду и начал танцевать под какую-то песенку... Ах, да, это был «Осенний блюз».

Ленин на коне, Мишель, Марат и я

Рассказ

– Алло. Привет! Пока еще лежу... С сарказмом вспоминаю вчерашний день. Вот если бы я ночью умер, то солнце к двенадцати часам дня коснулось бы моего уже остывшего тела. Оно бы стало медленно передвигаться по моей правой ноге, оно бы в последний раз пыталось меня согреть и вернуть к праведной жизни во благо окружающих... Разговариваю с тобой с открытыми глазами. Да, мир прекрасен! И можно признаться этому миру, что ты вчера был не прав. Но только вчера. Да, мир прекрасен и потому, что я сначала нашел не телефон, а недопитую вчера большую бутылку вина. Да, все предметы стоят на своих местах... И принципы тоже. Когда ты приедешь? Ты уже приехал. Ты на вокзале? Ты уже возле моего дома. Посмотреть на тебя сверху в окно? Вставить все равно придется, очень хочется сделать несколько глотков вина. Нет, нет, сначала совсем немного вина для фокусировки зрения... Я тебя вижу. Я тебя очень хорошо вижу. А кто это рядом с тобой, я ее не знаю? Ха-ха-ха! Вы сначала зайдите в магазин, у меня совсем нет никакой еды. Не скупись перед красивой женщиной, обязательно купи черной и красной икры! Ха-ха-ха! Вот придете, и я ее внимательно рассмотрю, и посоветую тебе жениться на ней. Ха-ха-ха! Вина в доме тоже нет! Есть только я и мои объятия навстречу вам. И моя добрая, идиотская улыбка. Да разве вам этого будет мало?! Хорошо, хорошо, я о тебе буду говорить только хорошее и очень умными словами. Ха-ха-ха! У меня в квартире очень чисто.

Олег положил телефон и пошел смотреть на себя в зеркало.

В квартире действительно было чисто. Просторная, светлая, новая квартира без лишних перегородок и дверей с очень хорошей, современной отделкой. На кухне уже несколько месяцев стоял новый холодильник, но он не был подключен. По всей квартире стояли раскладные садовые креслица и такие же столики. Из мебели был только один большой кожаный диван. Пустые, темные, разновеликие бутылки в большом количестве стояли в светлом углу и воспринимались как инсталляция. Сначала в углу стоял только старый венский стул на трех ножках, под который ставились пустые винные бутылки, но потом их стало много, очень много – море, и стул стал корабликом. На стуле висела дорогая помятая, фетровая шляпа, а на сиденье лежала книга. И все спорили: сможет ли этот капитан, автор этого романа, без кораблекрушения плыть по этому беспокойному морю, потому что из каждой пустой бутылки все еще доносились резкие спорящие голоса о смысле жизни... «Тогда ты должен жить один: в квартире, в городе, во вселенной! Ха-ха-ха! На необитаемом острове! А человек, который очень часто стоит перед тобой в твоём воображении и наяву, он и есть твой друг и враг. Ха-ха-ха!» И книга менялась на другую книгу. Рядом с дверью в ванную, напротив большого окна, висела большая картина, которая уже была в раме, но палитра и кисти все еще лежали рядом на столике.

Олег посмотрел на себя в зеркало и понял, что разглядеть его физиономию смогут только время и хорошее настроение, а сейчас на него смотрел сорокапятилетний, небритый, но все еще симпатичный человек. Олег не имел привычки рассматривать внимательно себя в зеркало. Да, в прошлый раз он был моложе, поэтому он всего лишь расчесал свои волосы и умылся холодной водой. Он нашел оба носка и вышел на большой балкон.

Вот ради этого большого балкона и прекрасного вида с него он и купил эту квартиру в новом доме на окраине города, продав свою небольшую в центре. Рядом с домом текла река, а за ней – поля и леса. И весь горизонт открыт. И весь горизонт открыт! Огромные стаи черных птиц утром и вечером пролетали над домом и своим гамом заставляли всех людей с какой-то тревогой поднимать головы вверх. Олег на балконе завтракал, обедал, читал, писал, мечтал, пил вино, ругал себя за выпитое вино, считал, сколько ему еще осталось жить и сколько и

чего он еще сможет сделать за это время. А иногда он засыпал на балконе под утро, когда уже очень ранние птички начинали свой щебет. И ему становилось от этого спокойно: и этот день, и завтрашний, и послезавтрашний пройдут – и утром у реки обязательно будет слышен этот вечный утренний птичий щебет. Радуйся этому – ты даже можешь жить только ради этого. А вечером ты будешь смотреть на закат солнца и ублажать свое чрево. И опять сдвинешь с маленького столика винной бутылкой томик Ницше, потом поднимешь его и начнешь читать на случайно раскрытой странице слова Заратустры: «Я ранен своим счастьем: все страдающие должны быть моими врачами»... И почувствуешь свою какую-то причастность к этим словам, и уже очень осторожно поставишь бутылку на столик.

Олег держал в руке винную бутылку, она была еще достаточно тяжелой. За окном полуденное солнце и шумная жизнь города. И никто на тебя не смотрит, и никто тебя не слышит – им всем просто не до тебя. И он обратился к маленькому-маленькому человеку на узкой тропинке у реки в детской коляске, своему соседу, перед которым висели разноцветные шарики «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан»:

– Аркадий, за последние десять лет не помню, чтоб кому-то в чем-то отказал. А, может, меня просто уже никто не просит о помощи, только: «Приди, умираю от одиночества и не с кем выпить вина. Совсем не пишется. Совсем не пишется. Ха-ха-ха!» Ха-ха-ха! Или они могут сказать, что если он у нас ничего не просит, то как мы будем просить у него. А я всегда пытаюсь дать больше, чем просят. Нет, а ты попробуй отдать все... Ха-ха-ха! Попробуй!

Олег встречал гостей у двери с тремя наполненными стаканами вина – в большой винной бутылке не осталось совсем ничего:

– Дорогая Татьяна, дорогой Сергей, ваш семейный портрет...

– Это Мишель, она француженка и приехала к тебе с просьбой... Она прочла две твои последние статьи, прошлогодние... Они ей очень понравились. И кто-то ей сказал, что ты очень умный и талантливый. Может быть, шутили... Но она нашла меня, твоего друга – и вот мы с ней приехали к тебе. Мишель журналистка. Она приехала в Россию написать статью о русском человеке: как ему живется и чем дышится. Это должен быть собирательный образ... Она должна описать всего лишь один день русского человека. Это очень известное французское издательство... Что, не ожидал услышать такое? Мишель, подтверди! Мишель очень хорошо говорит по-русски.

– Да, дорогой Олег Забродин, я приехала именно к тебе. Я очень много про тебя знаю, узнала, мне Сергей рассказал о тебе. Только ты сможешь мне помочь. Мне очень понравились твои статьи. Я не читала твои статьи – я их пела. Меня что-то заставляло перечитывать каждое предложение статьи несколько раз: чтобы понять суть и восхититься формой... Я очень много ходила в Москве по театрам и выставкам, я хотела увидеть ЕГО, того, кто должен прожить всего лишь один свой день, но он будет интересен очень многим читателям. Я хочу спокойно с тобой обо всем поговорить... Олег, это все надо придумать или это все надо самой увидеть?... Выпьем совсем немного вина. У меня есть бутылка хорошего французского вина, правда, которую я купила в Москве, перед тем, как ехать к тебе. У тебя есть для меня время?

– Мишель, умру, но сделаю для тебя все. Ты напишешь прекрасную статью. Ты напишешь очень умную статью. Ее будут все читать и плакать. И мы тоже.

– Это «Смерть Марата»? – Мишель остановилась перед картиной.

Они втроем стояли перед картиной, как на какой-нибудь выставке, и совсем по чуть-чуть пили очень красное вино. Очень красное вино в граненых стаканах переливалось разными оттенками не только красного и было очень живописным... Двое мужчин с разных сторон любовались красивой Мишель. И она очень хорошо представляла себе эту мизансцену: она с интересом рассматривает недописанный холст, а на нее с восторгом смотрят двое мужчин и только ждут повода, чтоб, соблюдая очередность, сказать о ее красоте. Хотя она точно знала, что при близком рассмотрении ее первоначальные комплименты употреблялись уже не так

часто, поэтому, чтоб вернуть их, она отходила в сторону и делала один или два оборота... Ее прекрасная фигура тридцатипятилетней женщины и ее какая-то наивная улыбка заставляли улыбаться в ответ и разводить в стороны руки: «Да как же, Мишель, ты прекрасна!»

– Да. Бедный Марат. Сын врача. Больной человек, во время лечебной процедуры... Может, ему и так оставалось недолго пожить на этом свете... И он, наверное, хотел в этой своей ванне оказаться на поляне среди полевых цветов и в тени одинокого, большого, крепкого дерева, дерева-защитника. И перед ним стопа чистых листов бумаги и большая бутылка, полная чернил... И рядом ни одного человека.

– Ты хочешь написать рядом убийцу?

– Хотел... Хотел написать ее обнаженной... Сначала не мог найти подходящую натурщицу...

Говорят, что она была красивая. Да ведь такого не может быть! С первой «этой» ее мыслью ее красивое лицо превращается в маску, за которой обязательно злое лицо старухи.

– У тебя на картине Марат умер уже давно – это почти мумия. Получается очень интересная картина... Это какое-то предостережение нам, перед тем как наполнить ванну теплой водой и расслабиться в ней в ароматах розовых лепестков? И почему на картине столько много ножей? Я поняла: зритель может выбрать любой... Ха-ха-ха! Нет-нет, я очень близко стою к картине, я отойду на два шага. Я поняла: Марат умер давно, он уже не цепляет тебя своею протянутой рукой с мольбою: «Спаси»... А иначе ты не смог бы пройти мимо картины... А теперь ты говоришь ему: «Извини, Марат, прошло уже очень много времени. Ты уже давно повержен кухонным ножом. И уже очень много людей оплакивали и продолжают оплакивать тебя».

– Я предлагал ему перевесить картину в другое место. А лучше продать. Я даже сам хотел ее купить, чтоб она только здесь не висела. Ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха! Мы все умрем.

– Вот и он так говорит. Да я уже привык к ней, к этой недописанной картине. Я уже иногда протягиваю Марату руку для приветствия. И даже спрашиваю у него: «Марат, как жизнь? Марат, я открою окно, вчера много курили». Как-то очень тихо. И что тут еще дописывать?

– У тебя Марат получился как святой. И даже нимб из васильков... Совсем безгрешный?

– Да как же?! Все младенцы, рожденные с Маратом в тот далекий день, были уже грешны! И всю свою жизнь они хотели доказать друг другу и всем – они святые. Да разве это он придумал гильотину?! Сначала гильотина в восторженной тишине, со своим особенным звуком скольжения тяжелого, острого ножа и приближающегося неисправимого, отрубила голову Людовику Шестнадцатому. И парижане аплодировали этому действию, ходили по площади с букетиками цветов, целовались и поздравляли друг друга с праздником. А потом гильотина в восторженной тишине отрубила голову Робеспьеру, и парижане ходили по площади с букетиками цветов, целовались и опять поздравляли друг друга с праздником.

– Да, мы все умрем. Олег, а ты ведь можешь подумать, что я привез Мишель для образа этой убийцы? Помнишь, ты говорил всем, что за натурщицей надо ехать во Францию? Ха-ха-ха! Почему ты так внимательно ее рассматриваешь?

– Я восторгаюсь ею. Я хочу ее обнять – и я боюсь ее обнять. Вот во Франции ею все восхищаются и все хотят ее обнять без всякой боязни. Ей многие делают комплименты, ей многие говорят, что она лучше других, и она уверена в этом... Так ей легче быть доброй: одарить кого-нибудь своей улыбкой, легко коснуться кого-то своими пальчиками, своими губами, поддержать кого-то в споре, попросить любого человека о какой-нибудь помощи ей... Вот если бы с красивой женщиной жить на необитаемом острове... Я бы дописал последние страницы своей книги.

– Она не согласится.

– Да совсем немного, какой-нибудь месяц... Я знаю такой остров. Сергей, ты будешь по утрам нам привозить еду и свежие газеты, но мы тебя видеть не будем. Я буду ловить рыбу, и

мы будем варить уху на костре. Ночью. Ха-ха-ха! И каждый будет петь свою песню. Мишель, ты знаешь русские песни? А я тебе буду читать на французском стихи Беранже. Или на русском... На русском у меня получается очень душевно.

– А зачем ей это? Она будет скучать там, она будет скучать по восторженным взглядам на нее, комплиментам... Мишель к этому так привыкла. Мишель, ты очень красивая...

– Да, да, да, Мишель, ты очень красивая. Вот если бы ты капризно попросила Марата... То он сам бы взял очень острый нож и вонзил бы его в себя... Все равно когда-нибудь умирать. Он бы уберег тебя от превращения в «злую старуху». Все равно когда умирать.

– Нет, не все равно...

Они вышли на балкон, вынесли туда все садовые креслица и столики и стали готовить разные закуски. Они доставали из многочисленных пакетов продукты и с шумом, наперебой предлагали только что придуманные рецепты этих закусок... И тут же начинали их готовить и пробовать. И самой лучшей приправой для всех рецептов были наивный и заразительный смех Мишель и доброе, шуточное передразнивание его: «Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!» И от этого передразнивания ее смеха шума становилось еще больше. Мишель искренне смеялась над ними, а они восхищались ею... «Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!»

И никто из них еще не знал, о чем и о ком Мишель напишет статью... Но по прочтении этой статьи, они сейчас были уверены в этом, они будут смеяться вот так же, как и сейчас: «Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!» Они были в этом уверены. Поэтому решили писать статью завтра, а сегодня друзья Олега должны были увидеть Мишель, выпить немного французского вина и послушать что-нибудь из ее репертуара под гитару.

Олег решил очень быстро продать свою старенькую машину соседу, который уже давно просил у него купить ее. Сосед же должен был встречать на улице друзей Олега и раздавать им деньги на дорогое вино, на дорогую закуску и на подарочек для Мишель, который случайно оказался у него в кармане: «На долгую память и от чистого сердца самой красивой женщине».

В этом спектакле все играли с большим удовольствием, даже с восторгом... Многие монологи и мизансцены дописывались на ходу и даже повторялись... И каждый любовался своей игрой, и каждый был благодарен всем за поддержку его в этом спектакле. Вот все долго ждали появления в этой квартире очень красивой женщины. Красивой и умной. Всем хотелось к своим умным, очень умным речам добавить артистизма... Да, пришла пора, и всем захотелось восхититься собой; что в другое время было бы поднято на смех, сегодня оценивалось легкими аплодисментами и одобрительным смехом... А Мишель была в восторге ото всех. Начавшийся спектакль, как и должно было быть, оказался самой реальной жизнью... И сами слова, и интонации были давно подготовлены, выверены и, наконец, произнесены перед почтенной публикой. Легкие поклоны, легкие аплодисменты, радостный и искренний смех, слезы, совсем немного вина и в обязательных паузах общий взгляд на просторы и небо.

Совсем еще не старый, с очень большой бородой профессор истории уже давно не читал лекций и исторических книг, он считал их враньем. Побороть свою привычку носить с собой книгу он не мог, поэтому всегда носил с собой хорошо иллюстрированный, толстый «Календарь огородника». Свою научно-историческую книгу о средневековой Руси, которую писал двадцать лет, он считал ересью и называл ее: «Фальшивые истории, рассказанные глупцом». Познакомившись с каким-нибудь человеком, он сразу предупреждал его, что никакого татаро-монгольского ига не было.

– Дорогая Мишель, красивый человек, вот если б ты знала, как не смиренно я прохожу свой путь от жизнерадостного, самодовольного идиота к тихому, слезливому человеку, сидящему у морковной грядки с бутылкой вина!.. Не было никакого татаро-монгольского ига! И мои подозрения в этом были в самом начале моей научной карьеры... Но как мне хотелось жить! Быть красивым и умным, быть кандидатом, доктором, профессором! Я выходил на улицу

– и солнце освещало только меня! И совсем не глупые особи смотрели на меня с восторгом, они аплодировали мне и расступались передо мной. И я шел, шел... Куда? И что мне теперь за это будет? Нет, не жалости я прошу для себя. Пожалеть меня – это еще раз пнуть меня. Понять и простить? Простить-то можно, а вот понять... Только жалость я вижу во взглядах на меня. Вот плачу и пью вино. Я долго выводил новый сорт тыквы. И в прошлом году из последнего семечка вырастил большую тыкву. Огромную тыкву! Все приходили фотографироваться рядом с ней... А потом я ее стал один грузить в машину, чтоб везти в другой город на выставку за медалями и почетом, и нечаянно разбил ее и истоптал на мелкие части, и плакал... Вот так вот и моя жизнь... И опять первым утешать меня приехал Олег и собрал все оставшиеся семена, а их уже всюду клевали птицы. И я их высушил, и разложил их по пакетикам, и теперь раздаю их.

Профессор вложил пакетик с семенами тыквы в руки Мишель и поцеловал ее в щеку. И под общий смех стал показывать руками, какой была его тыква, и вытирать свои слезы.

Все ждали от Мишель: «А теперь давайте выпьем совсем немного вина, чтоб понравиться друг другу еще больше».

Продавец мыльных пузырей сегодня продал все свои мыльные пузыри. Он продавал их в клоунском костюме. Он выбирал в парке капризных детей – и опустошал кошельки их родителей. И потом, не жалея себя, он очень артистично рассказывал об этом и заканчивал одной и той же фразой: «Вот так старый артист идет к своим последним аплодисментам».

– Мишель, у театра уже давно нет ролей для меня. А я все равно жду. И еще выше прыгаю, когда вижу идущего по парку артиста... Чтоб он рассказал в театре, что я в прекрасной форме. А мне так нужна одна последняя роль, чтоб... ушел из театра, не попрощавшись с ним... Я тогда обиделся на всех... Я старый дурак.

Мишель, я тебе еще прочту свои монологи, я теперь их сам пишу.

– Хорошо, хорошо, не плачь, я куплю у тебя твои мыльные пузыри. Вот я наливаю тебе вина, вот я целую тебя...

Друзья Олега принимали Мишель за его невесту, поэтому искренне восторгались ею. Они пили, пели, танцевали, смеялись и плакали, были счастливыми, они все были уверены, что увидят ее еще не раз, и они были рады тому, что они нравились ей.

После долгой паузы отец Иоанн, который пришел в тельняшке с длинными рукавами, запел тихо и мелодично. Он, может быть, хотел запеть что-то другое, ему просто захотелось вот сейчас услышать свой красивый, добрый, мягкий голос, который он сам уже давно не слышал, услышать самому и показать всем... Но он запел «Отче наш»... И в другое время ему подпевали все тихонько, но сегодня никто не делал этого... Очарованная его пением, его голосом, Мишель смотрела на него и на горизонт.

– Мишель, вот уже второй год как я не служу... Пришлось уйти... Сын, восьмиклассник, потребовал от меня научного доказательства существования Бога. Он вычитал в Интернете, что всему должны быть научное доказательство и объяснение. Да если б один раз, один день... Я, говорит, всем в этом мире все могу объяснить... Восьмиклассник! И, поверишь ли, Мишель, я сейчас осознаю себя свободным человеком... Нет, свободным человеком жить нельзя – это выдумки и гордыня... Но иногда на какое-то время ты обязательно должен почувствовать себя свободным человеком... Немного полетать... Выходит, что я был сомневающимся. И сын мой это понял... Нет у меня никакого доказательства существования Бога. И я еще не умер...

Когда черные птицы с гамом пролетали над домом назад в город и все люди смотрели вверх на них, Мишель, Олег и Сергей молча смотрели на заходящее солнце. Все остальные ушли. Солнце было большим и красным. И облака у горизонта были какими-то тревожными: черными, оранжевыми, красными... Но они были очень далеко, и совсем не редко погожий летний день заканчивался именно такой картинкой, такими красками. Поэтому так хотелось

дождаться первых звезд на еще светлом небе и обратиться к ним: «Звезды, мы хотим говорить с вами: нам не хочется умирать. Мы хотим всегда быть с вами. Мы хотим всегда говорить с вами. Для этого мы придумали очень много умных слов. Мы все разные, как и вы. Если не говорить с вами, то зачем жить?» И звезды в ответ начнут мигать: «Да, да, говорите с нами, мы вас слышим, мы пьем красное вино вместе с вами. А куда нам спешить, мы можем вам уделить очень много времени».

Утро следующего дня началось поздно, но очень сумбурно: никаких философских разговоров и воспоминаний о вчерашнем дне, только быстрое умывание холодной водой и чашка кофе... Завтрак с вином решили сделать в лесу. Собралась вся вчерашняя компания. И только в машине стали спрашивать присланного за ними водителя: зачем едем, не опоздаем ли, много ли людей соберется и будет ли обед с вином? И будет ли этот обед на траве или за большим столом? Оказалось, что сам председатель колхоза за границей во Франции перенимает у них опыт современного сельского хозяйства высоких урожаев и передает им опыт выращивания экологически чистых продуктов для людей. Стены квартиры уже вчера начинали сковывать полет мысли. Конечно, топтание на одном месте было виртуозным, но хотелось долгого полета без взмаха крыльями и ощущения какой-то общей радости. И всем хотелось ей, красивой Мишель, еще очень много рассказать и показать. Да просто быть рядом с ней, восхищаться и любоваться ею. За городом людей стало совсем немного. А потом и совсем никого. Поля, леса, овраги, дорога вверх, дорога вниз, целые поля в цветах... На несколько минут съезжали с дороги в лес, глушили мотор, доставали раскладные креслица и слушали многозвучный лес. И попробуй, выбери, что больше тебе по душе: шум макушек высоких-высоких берез, птичьи голоса и магическое лесное эхо, пчелиные перелеты с цветка на цветок или лесной аромат, который не перечислить?! И не могли понять, для кого все это... Хорошо, вот сегодня для них, а завтра, послезавтра?.. Какое расточительство!.. Остаться здесь навсегда!.. «Ку-ку, ку-ку, ку-ку...» И ехали дальше – заезжали на горку и оттуда смотрели вокруг, еле различая, где земля соединяется с небом, и, ощущая на себе теплые и игривые потоки воздуха, удивлялись, почему платье Мишель развивалось в одну сторону, а облака плыли в другую сторону. А Мишель все вращалась и пела песню то по-русски, то по-французски. И все стали вращаться. Все расставляли руки в стороны и кого-то обнимали, и кто-то очень нежно и ласково обнимал их. И все восклицали: «Кто это, кто меня обнимает? Вот кто-то, оказывается, меня любит! И я, и я, и я тебя тоже люблю!» И волосы у всех поднимались вверх. Еще чуть-чуть, и можно было полететь... «Куда мы едем?! Зачем?!»

Председатель колхоза имени Ленина Александр Александрович говорил всем, что вот не зря ему Господь послал в друзья такого доброго и умного человека, как Олег. Лет десять назад он прочел философскую статью Олега: «Ласковая просьба и душевный пендаль, или Кто друг твой и чей ты друг?» Александру Александровичу очень понравилась статья, но в ней для него было много спорного. Он нашел Олега, и они три дня пили вино у товарного вагона молдаван и философствовали... И с тех пор Александр Александрович часто обращался к Олегу за советом. Вот и в этот раз...

Бюст Ленина стоял перед правлением колхоза и потихоньку разрушался ветрами и дождями, но его всегда подмазывали и подкрашивали. И стоял он уже давно, и все к нему привыкли, и иногда даже не замечали его. Олег специально останавливался у бюста надолго и говорил Александру Александровичу: «Да, вот не менять бы содержание, а только форму... Да сесть рядом со стаканом вина! Ха-ха-ха! Да пофилософствовать. Да помечтать». И он рассказывал свое видение нового памятника...

В этот раз Александр Александрович просил Олега первым увидеть новый памятник. И дать добро на его открытие. Да и проверить, можно ли будет, как он и хотел, сесть невядалеке под кронами деревьев и выпить стакан «философского» вина.

Памятник Ленину был совсем небольшой, в натуральную величину, он стоял на небольшом постаменте высотой в одну ступень и был далеко от правления. Он был накрыт пологом, но ноги лошади были видны. От памятника в лес вела широкая, выложенная брусчаткой дорожка. И лошадка должна была сойти с этого совсем невысокого пьедестала и пойти не спеша в лес. И рядом с ней, хватало еще места, должен был идти человек и говорить с седоком. Через лес дорожка поворачивала к крутому берегу реки, где был сооружен точно такой же совсем невысокий пьедестал. Куда и становился любой человек, прошедший по этой дорожке, и говорил, глядя на реку: «Ах, как же здесь красиво! Ах, как хочется жить, творить и петь!» Скульптора, автора этого памятника, рядом не было, и его начали искать...

Пока ждали самого скульптора, ходили вокруг и рассматривали все. И все нравилось: скамейки, столики, начинающийся лес, тропинки... Ослик, совсем недавнее приобретение колхоза, стоял под навесом и с любопытством рассматривал всех.

Олег немного приподнял полог и увидел ногу седока. На ноге была китайская сандалия из бамбука. Он с некоторой тревогой вернулся к столику и спросил у всех: «А не пора ли нам выпить вина?» Но все решили, что надо подождать скульптора.

Скульптором оказался китаец Ли. Этот китаец перед тем, как начать с кем-то разговаривать, называл себя «умным китайцем». Одет он был очень просто, как какой-нибудь китайский крестьянин позапрошлого века. Разговаривал на русском очень хорошо, он уже более двадцати лет жил в России. И вот сегодня сбылась его мечта. И вот сегодня сбывалась его мечта. Сегодня он сможет смотреть на свою скульптуру глазами зрителей. Полог со скульптуры был снят...

К радости Олега, Ленин на лошадке был Лениным, а не китайцем. Но он был моложе, чем привычное изображение его на монетах, медалях, денежных купюрах, плакатах, – лет сорока. И поэтому становился проще и ближе, и сразу появлялось желание похлопать его по плечу и обнять этого Ленина на невысокой лошадке. На Ленине была поношенная футболка с изображением Че Гевары, на груди октябрятская звездочка «с кудрявой головой», а за спиной маленький рюкзачок, на котором было написано: «Made in China».

Олег стал медленно обходить скульптуру. Все вместе стояли вдалеке. А Ли был рядом с Олегом и готов был отвечать на все вопросы. Олег медленно обходил скульптуру и хмурил свои брови очень строгого критика... А в душе он ликовал: вот так вот смело и просто, и с любовью, и ничего лишнего. Олег уже еле сдерживал слезы и отошел в сторону, чтоб смотреть издали. Время шло, Ли стоял рядом, было тихо, и Ли не выдержал:

– Тебе понравился? Александр Александрович сказал, чтоб я тебя очень внимательно слушал. Больше всех. Тебе понравился?

– Вот если бы ты сделал другого, тогда бы ты меня сильно ранил. И не только меня...

Все подошли к скульптуре и начали очень шумно обсуждать ее. А Ли долго стоял молча. Потом к нему подошла Мишель, она обняла и поцеловала его. А потом к нему подошли все и начали поздравлять его и говорить ему, какой хороший получился памятник и какой он хороший скульптор.

Олег никогда не гладил ослика, никогда не ездил на нем, никогда так близко не подходил к нему, он никогда не видел живого ослика, но он всю свою жизнь мечтал об этом. Он подождал, пока все деликатно отказались покататься на ослике, подошел к нему и крепко его обнял: «Эх, друг ты мой долгожданный, как долго я ждал этого дня. Поехали. Но если ты устал или тебе тяжело, то я смогу понести тебя». Но ослик не устал и послушно повез Олега. И Олегу показалось, что ослик тоже давно ждал его. Он почти доставал ногами до земли: «Вот зачем я еду на нем, ему, конечно, тяжело? Я вполне мог бы идти рядом...» Но рядом уже шла Мишель, а сзади шли все и любовались ими.

– Мне так его жалко, что я готов даже нести его на руках. Я как мальчишка после покупки ему долгожданного щенка овчарки, с которой он собирается защищать всех обижаемых. Мне

хочется обнимать его и шептать ему: «Родной ты мой. Я так сильно тебя люблю. Я так сильно буду любить тебя всегда-всегда». И все же мне хочется ехать на нем куда-то долго-долго, очень долго, останавливаться на отдых, наливать ему совсем немного вина, приносить ему сочную травку, смотреть в его глаза, видеть в них свое настоящее отражение – это тебе не плоское зеркало... И говорить, говорить, говорить... Рассказать про всю свою жизнь: какой она должна была быть и какой она есть на самом деле – он все выслушает с пониманием... Надо же кому-то все-все-все рассказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.